

Карл Маркс и Интернационал в период 1871-72 г.г.[34] Очерк Н. Лебедева

В то время, как Бакунин решил «отвезти свои старые кости в Лион» и там поднять знамя социальной революции во имя спасения Франции, Маркс, сидя в Лондоне, продолжал вести свою работу по борьбе с Бакуниным и со всеми, кто не разделял теории «научного социализма».

Как известно, Базельский конгресс Интернационала в 1869 году постановил, что следующий конгресс Интернационала будет в 1870 году в Париже. Однако, франко-прусская война совершенно исключила эту возможность. Тогда некоторые члены Главного Совета предложили созвать очередной конгресс Интернационала в Амстердаме (Нидерланды). Но, Маркс воспротивился этому, так как предполагал, что благодаря войне Германии с Францией, на конгрессе будут преобладать швейцарцы, бельгийцы, испанцы и итальянцы, то есть те элементы, которые, в общем, не разделяли взглядов Маркса. Вследствие этого Маркс решил совершенно не созывать конгресса. Вот что он писал по этому поводу в Женеву к своему другу Беккеру:

«Конгресс не может собраться ни в Амстердаме, ни в Майнце; лучше его совсем не созывать. Германия за недостатком денежных ресурсов не могла бы послать на конгресс достаточное количество делегатов; Французские секции распущены; благодаря этому лучше не созывать конгресса, дабы избежать опасности, чтобы известные агенты[35] снова не получили бы на конгрессе *искусственное большинство*; ибо для действий подобного рода они всегда умеют находить ресурсы; откуда? *Это их секрет...* Бакунин имеет в лице центрального комитета бельгийских секций верное своё орудие, наши русские друзья в Женеве, и, в частности, Утин должны предпринять поход против Бакунина, издав против него полемическую брошюру».

Конец 1870 года и начало 1871 года были для Франции чрезвычайно тяжелы. Народное восстание в Лионе, куда поехал Бакунин, а затем в Марселе; не удались и были подавлены. Эта неудача Бакунина дала Марксу лишний повод для высмеивания своего противника. В своём памфлете, написанном против Бакунина, носившим заглавие «*Альянс социалистической демократии*» Маркс писал по этому поводу:

«Революционное движение в Лионе разразилось. Бакунин тотчас же приехал, чтобы соединиться со своим лейтенантом Ришаром и со своими сержантами Бастелика и Гаспаром Бланам. 28-го сентября, в день приезда Бакунина[36] народ захватил городскую думу. Бакунин устроил здесь своё местопребывание. Таким образом для Бакунина наступил критический момент, момент, которого он ожидал целые годы, и когда Бакунин мог выполнить свой акт наиболее революционный в мире: **он декретировал уничтожение государства**. Но, государство, в виде двух отрядов буржуазной национальной гвардии, вошло в дверь, которую забыли запереть, и очистило в несколько минут зал, заставив Бакунина собраться в обратный путь в Женеву».

В этих словах, продиктованных злобой и ненавистью, Маркс старается намеренно исказить и уменьшить роль Бакунина в Лионском восстании, и, желая показать, что инициатива в этом движении принадлежит не Бакунину, говорит, что Бакунин приехал в Лион, в самый день восстания, 28-го сентября, и просто примкнул к движению, тогда как на самом деле Бакунин приехал в Лион 15-го сентября и ещё до этого письменно из Швейцарии вдохновлял своих лионских друзей и указывал, что следует делать и где искать спасения. Бакунин не воспользовался уже занятой городской думой, а сам во главе отряда брал её и после захвата не думал, конечно, **декретировать уничтожение государства**, а, лишь призывал к немедленной организации Коммуны.

Несмотря на неудачи Лионского и Марсельского восстания, коммуналистское движение во Франции не заглохло и в марте 1871 года получило осуществление в Парижской Коммуне. Парижская Коммуна, в которой деятельное участие принимали все видные французские интернационалисты, предприняла героическую борьбу против буржуазного Версальского правительства, мечтавшего восстановить с помощью немцев монархию во Франции. Парижская Коммуна хотела создать во Франции новый общественный порядок, основанный **на свободе, федерализме и децентрализации**. Она являлась отрицанием централизованного Государства, поклонником которого был Маркс. В Коммуне нашли своё выражение лучшие идеи Прудона и французских интернационалистов.

Перед таким фактом огромной важности и значения, Маркс, конечно, не мог ничего возразить, но, и в этом случае он постарался извратить действительность и в своей брошюре о Парижской Коммуне пытался утверждать, что Парижская Коммуна является опытом **диктатуры пролетариата**, первой попыткой создания **рабочего государства**.

В тот момент, когда Парижская Коммуна погибала под бешеным натиском версальцев, и десятки тысяч её защитников умирали на баррикадах, Главный Лондонский Совет Интернационала, который в это время олицетворялся почти одним только Марксом, занимался главным образом, тем, что вносил и раздувал распри среди швейцарских секций. Агент Маркса в Женеве, Утин, весной 1871 года инспирируемый Марксом из Лондона, предпринял кампанию против Бакунина и его друзей, обвиняя их в подлогах, в составлении фальшивых писем и приёме женевской секции Альянса в Интернационал. Распри и раздоры среди швейцарских интернационалистов летом 1871 года захватили широкие массы и вовлекли также большинство приехавших в это время в Швейцарию парижских коммунаров, которым удалось избежать рук версальского правительства. Почти все парижские коммунары были возмущены махинациями Маркса и его сторонников, и встали на сторону

Бакунина и юрских секций, стоявших на федералистской точке зрения.

Маркс, чувствуя, что большинство видных деятелей Интернационала стоит не на его стороне, решил не допускать созыва общего конгресса в 1871 году. Вместо него, он назначил в Лондоне конференцию, которая и состоялась 17-23 сентября.

На Лондонской конференции принимали участие 23 делегата – 6 от бельгийских секций, 2 от швейцарских, 1 от испанских, 13 членов Главного Совета и 1 неизвестный без мандата. Многим секциям и федерациям, как, например, Юрской, приглашение на конференцию не было прислано, так как участие делегатов от этих секций было признано нежелательным. В числе 13 членов Главного Совета мы видим самого Маркса, его друга Энгельса, его сторонников Эккариуса, Галя, Роша, Кона, Зябицкого и Юнга. Тринадцать членов Главного Совета, не имевших никаких мандатов от секций, составляли между тем **большинство** конференции и поэтому могли проводить беспрепятственно все свои постановления и решения.

Что происходило на конференции мы можем узнать из рассказа члена Главного Совета Интернационала, Поля Робена, который присутствовал на нескольких её заседаниях:

«Я не буду рассказывать, говорит Робен, о всех приготовлениях Главного Совета к конференции. За дальностью расстояния и по семейным обстоятельствам я не мог в это время аккуратно посещать заседания Совета... Я был лишь на одном заседании, на котором Маркс запугивал членов Совета Французскими шпионами и настаивал, чтобы на конференцию не допускать ни одного французского коммунара... Наконец, наступил день открытия – конференции; место конференции и время её заседаний были известны лишь её участникам. Это делалось под предлогом того, чтобы о конференции не узнала полиция, но, в действительности, организаторы Конференции боялись, что на её заседания могут явиться в качестве публики члены Интернационала и могут контролировать слова и речи ораторов...

Перед открытием первого заседания разыгрался маленький инцидент, который, однако, показал весь истинный характер этой конференции. Открытие конференции было назначено в пять часов. К этому времени все члены были уже налицо. Но, с открытием почему-то медлили. Маркс, сильно озабоченный чем-то, бегал от одного своего лейтенанта к другому и несколько раз куда-то исчезал из зала заседаний. Присутствующим уже начинало надоедать бесцельное сиденье и я, в один из моментов, когда Маркс вышел, предложил собранию выбрать председателя и начать работу; председателем я предложил Юнга. Я видел, что моё предложение очень удивило многих членов своей смелостью; кто-то внёс поправку и добавил, что выбрать «временно», предложение было поставлено на голосование и большинство присутствующих высказалось за то, чтобы выбрать «временно» председателем Собрания Юнга. Эккариус голосовал против. Юнг стал торопливо отказываться от председательства; присутствующие стали настаивать, в зале поднялся шум. На этот шум явился Маркс вместе с Энгельсом, который тотчас же поспешил предложить собранию избрать председателя. На моё замечание, что председателем уже избран Юнг, Энгельс ничего не ответил, и заявил, что он, со своей стороны, предлагает избрать Юнга. Собрание, хотя Юнг и был уже избран, ещё раз голосовало за Юнга и на этот раз поднял руку за Юнга

и Эккариус.

Первые два три заседания конференции прошли в выслушивании речей Николая Утина, который обливал грязью Бакунина и его сторонников. Не разрешив окончательно ни одного вопроса, стоявших в программе дня, конференция постановила избрать комиссию по выработке резолюций; в эту Комиссию вошёл сам Маркс и его друзья. Затем Маркс прочитал свой проект работ, составленный совместно с Энгельсом и одобренный Главным Советом. Из всего этого было ясно видно, что вся Конференция должна иметь своей главной целью, уничтожение и компрометирование личных врагов Маркса – Бакунина и его друзей. Однако, хотя Маркс и был уверен, что почти вся конференция состоит из его сторонников, он, тем не менее, боялся некоторых иностранных делегатов, которые, не зная всей закулисной стороны дела, могли задать нескромные и щекотливые вопросы. Чтобы избежать этого, Маркс предложил, чтобы конференция **не вотирует в окончательном виде ни одной резолюции**, но, чтобы голосовала свои постановления лишь **в общем смысле**, предоставив Главному Совету **окончательную редакцию резолюций**. Благодаря такому приёму Главный Совет мог опубликовать под названием «Постановлений Конференции» все, что ему будет угодно.

По делу о Бакуanine и «Альянсе социалистической демократии» конференция избрала особую комиссию, которая и должна была вынести определённое решение по этому вопросу. Николай Утин предложил, чтобы первое место в этой комиссии принадлежало Марксу. Когда же я на это заметил, что в комиссию должны войти люди совершенно непричастные к конфликту и незаинтересованные, Утин страшно возмутился. Маркс после моего замечания стал было отказываться. Марксисты поднимают шум и настаивают, чтобы Маркс вошёл в комиссию. Маркс **вынужден** был уступить требованию собрания. В эту комиссию вошли ещё кроме Маркса, его верный слуга Эккариус, один молчаливый ирландец, один француз и один бельгиец».

Комиссия, вероятно ради беспристрастия, избрала местом своих заседаний салон Маркса... В чём состояла работа комиссии и к каким она пришла результатам осталось тайной. По всей вероятности, эта комиссия постановила исключить из Интернационала Бакунина и его ближайших друзей, что и было, как мы увидим ниже, приведено в исполнение на Гаагском конгрессе 1872 года.

Чтобы привлечь на свою сторону большинство делегатов и деятелей Интернационала в разных странах Маркс старался подействовать на них лаской и своим вниманием, когда же эта политика не приводила к желательным результатам, Маркс обрушивался на этого человека и старался натравить на него своих последователей. Так дело обстояло, например, с делегатом Испанской Федерации, известным деятелем Интернационала в Испании; Ансельмо Лоренсо:

Вот что рассказывает Лоренцо о своей поездке в Лондон:

«По приезде в Лондон вечером, я поехал на извозчике по данному мне адресу. Вскоре извозчик остановился около одного дома и позвонил; на его звонок вышел почтенный старец, который, стоя в дверях и освещаемый прямо в лицо светом фонаря, казался мне

каким-то патриархом. Я робко, и почтительно подошёл к нему и отрекомендовался, как делегат испанской федерации Интернационала. Старец обнял меня, поцеловал в лоб и стал говорить по-испански слова приветствия и просил меня войти в дом. Это был Карл Маркс...

На другой день Маркс познакомил меня с Энгельсом и другими членами Главного Совета. Энгельс просил меня поселиться у него на квартире...»

Однако, несмотря на ухаживание Маркса и Энгельса, на все их старания Ансельмо Лоренсо вынес от пребывания в Лондоне самое отвратительное впечатление. У него быстро рассеялось всё уважение к Марксу, которое он питал к нему ещё не зная его.

«О времени, проведенном мной в Лондоне, писал Лоренсо, у меня сохранились самые печальные воспоминания. Всё виденное и слышанное мной на конференции и в частных разговорах произвело на меня самое удручающее впечатление. Я надеялся встретить в Лондоне великих мыслителей, геройских защитников рабочего дела, пропагандистов-энтузиастов, предтеч и апостолов нового возрождённого революцией общества, в котором будет справедливость и счастье. Вместо всего этого я нашёл здесь глубокую злобу и ужасные распри, царившие между теми, которые должны были быть объединены единой волей, чтобы скорее достичь общей цели...

Я вынес убеждение, что вся цель созыва конференции заключалась только в том, чтобы утвердить в Интернационале господство присутствовавшего на конференции Карла Маркса в противовес Бакунину, которого не было на конференции, но который будто бы тоже стремился к господству в Международном Товариществе Рабочих.

Чтобы достигнуть этой цели, те, кто; был в этом заинтересован, составили целый обвинительный акт против Бакунина и Альянса Социалистической Демократии, снабжённый оправдательными документами, перечислением преступных фактов, подлинность и верность которых никто, однако, вполне не мог доказать. Обвинение Бакунина поддерживалось только одним Утиным, который не скупился на выбор слов, чтобы втоптать в грязь врагов. Обвиняющая сторона была тем более смела, что сами обвиняемые не были приглашены на разбор их дела... Разбирательство швейцарского вопроса на самой конференции всё-таки было, более или менее, обставлено некоторыми формами приличия, но, в самой комиссии по этому делу обвинители не считались ни с чем и давали полный простой своей злобе. Я присутствовал на одном из заседаний этой комиссии в квартире Маркса, и я воочию убедился до чего может унизиться великий человек. После этого заседания Маркс навсегда сошёл для меня с того пьедестала, на который он был поставлен мной раньше. Его сторонники и друзья после этого вечера стали в моих глазах ещё мельче и ничтожнее; своим поведением перед Марксом они напоминали мне льстивых и преданных лакеев, стремящихся исполнить всякий хозяйский каприз...

Я возвратился в Испанию разочарованным, убедившись, что наш идеал ещё очень далёк от действительности, и что многие из его пропагандистов являются, скорее, его врагами, чем друзьями[37]»

Выше мы уже сказали, что, по настоянию Маркса, конференция не голосовала в окончательном виде своих резолюций, а поручила Главному Совету редактировать эти постановления. Для этого было избрана особая комиссия из членов Главного Совета во главе с Марксом. Эта комиссия уже после конференции составила семнадцать резолюций по разным вопросам и Главный Совет издал их отдельной брошюрой под заглавием: «Постановление делегатов (!) Конференции Интернационала, происходившей в Лондоне 17-23 сентября 1871 года».

Наиболее важной и характерной из этих резолюций, является постановление относительно «политической деятельности рабочего класса». В этом постановлении Главный Совет, или вернее, Карл Маркс, – ссылаясь на «Вступительный Манифест Интернационала»[38] и на постановление Лозаннского конгресса о том, что «социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения», – требует от пролетариата участия в политической борьбе.

В этой резолюции говорится:

«Принимая во внимание, что против коллективной власти господствующих классов пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует отдельную политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным властвующими классами;

Что это объединение пролетариата в политическую партию необходимо, чтобы обеспечить торжество революции и её конечной цели – уничтожения классов...

Конференция напоминает членам Интернационала:

«Что движение экономическое рабочего класса тесно связано с политической борьбой».

Конференция поручила Николаю Утину собрать ещё новые материалы по делу Бакунина и Альянса социалистической демократии и установить связь между Альянсом и, так называемым, «Нечаевским делом». Конференция просила Утина собрать подробные сведения о деятельности Нечаева и напечатать в газете «Равенство» отчет по делу Нечаева, сообщив его предварительно Главному Совету. Всё это было сделано с единственной целью, чтобы скомпрометировать Бакунина, который одно время был дружен с Нечаевым. Хотя Маркс и Утин прекрасно знали, что Бакунин ещё в 1869 году порвал всякие сношения с Нечаевым и разошёлся с ним, тем не менее они решили воспользоваться неблагоприятными поступками Нечаева, чтобы набросить тень подозрения и на Бакунина. Утин, в угоду Марксу постарался сделать историю Нечаевского дела почти историей самого Альянса Социалистической Демократии и тесно связал деятельность Бакунина с действиями Нечаева. Гнусная ложь и подтасовки фактов были повторены затем самим Марксом в его брошюре против Бакунина «*Альянс Социалистической Демократии и Интернационал*».

После Лондонской конференции Утин в Швейцарии начал снова вести кампанию против Бакунина и его сторонников, стараясь дискредитировать Бакунина в глазах французских эмигрантов коммунаров, которые, в большинстве встали на сторону Бакунина и обвиняли Маркса в пристрастии и в стремлении к власти.

Но, такие приёмы марксистов не имели успеха, и наиболее проникательные французские изгнанники ясно отдавали себе отчёт во всём происходящем. Так, известная социалистка-писательница Андре Лео (Шампсей) в одном из своих писем из Швейцарии писала:

«Да, в Интернационале существуют разногласия, как и всюду в мире. Немцы, в лице Маркса, стремятся к централизации и деспотизму, хотят видимого единства, как Бисмарк. Латинские Элементы протестуют и пробуют бороться против этого. Вполне возможен раскол. Это очень досадно...»

Позднее, та же Андре Лео в одной из своих статей в газете «Социальная Революция» писала:

«Пангерманизм заражает, как эпидемическая болезнь, все немецкие головы, так что, даже когда немцы проповедуют социализм, они не вполне отрешаются от мысли, что они немцы. Бисмарк вскружил голову всем немцам от Рейна до Одера. Карл Маркс хочет быть папой Интернационала...» в одном из своих частных писем Андре Лео называет Маркса «Злым гением Интернационала, его Бисмарком».

Конечно, всё это возмущало самого Маркса, и он в число своих врагов зачислил и многих французских коммунаров, как, например, Малона и других. Когда зимой 1871 года часть французских коммунаров образовала в Женеве свою «секцию пропаганды и социально-революционного действия» и подала заявление в Главный Совет о принятии её в Интернационал, то Главный Совет, по настоянию Маркса, отказал в этом. Секция просила три раза Главный Совет принять её в Интернационал, указывая, что большинство её членов коммунары, социалисты-революционеры, доказавшие на деле свою преданность делу социализма. Но, Главный Совет наотрез отказался допустить в Интернационал эту секцию, так как Маркс боялся, что эта секция будет поддерживать Бакунина.

Ввиду такого поведения Главного Совета «Женевская секция пропаганды и социально-революционного действия» решила протестовать против действий Главного Совета и довести дело до сведения интернациональных федераций, прося их войти в положение. Около этого же времени французские эмигранты в Лондоне также образовали свою группу под названием «французская секция 1871 года». Эта секция также не была принята Главным Советом в Интернационал. Юрская Федерация Интернационала была также на полулегальном положении, так как Главный Совет упорно не хотел вести с ней никаких сношений и переписки.

Видя, однако, что его клеветы и разные «частные сообщения», посылаемые от имени Главного Совета Интернационала интернациональным федерациям, не достигают своей цели, Карл Маркс решил, начиная с 1872 года действовать более энергично. Зимой 1871-72 он послал в Испанию своего зятя Поля Лафарга, поручив ему собрать компрометирующие Бакунина и Альянс материалы и постараться привлечь на свою сторону Испанские федерации и секции. Действительно, Лафаргу удалось привлечь на сторону Маркса несколько видных испанских интернационалистов, убедив их в том, что Бакунин и его сторонники ведут борьбу против Главного Совета и Маркса из-за личных интересов. Однако, большинство испанских секций не поверили этой версии.

Чтобы привлечь на сторону Маркса итальянские секции Энгельс предпринял в 1871 и 72 годах обширную переписку с деятелями Интернационала в Италии и в своих письмах обвинял Бакунина и его друзей в интриганстве, в стремлении к господству в Интернационале. Однако, клевета и нападки Энгельса на Бакунина вызвали в Италии как раз обратный результат тому, какого надеялся достичь Энгельс. Главный корреспондент Энгельса в Италии, один молодой итальянец, лично бывавший у Маркса и Энгельса в Лондоне и разделявший их взгляды, Карло Кафиеро, до того был возмущён всем тем, что писал ему Энгельс о Бакунине, что поехал лично к Бакунину, чтобы объяснить. После этого объяснения Кафиеро, познакомившись с Бакуниным, перешёл в лагерь его сторонников и стал впоследствии одним из его ревностных учеников.

В то время как Маркс и марксисты всюду старались распространить клеветы на Бакунина и его сторонников, сам Бакунин продолжал жить самым мирным образом в Локарно, занимаясь главным образом литературной работой. Он старался сохранять своё хладнокровие и не обращать внимание на нападки марксистов. В это время Бакунин испытывал страшную материальную нужду и часто, буквально, ему и его семье приходилось голодать. Поглощённый заботами о добывании насущного хлеба для своей семьи, Бакунин не хотел вступать в полемику с марксистами, так как сознавал, что это вызовет и их стороны ещё большее ожесточение. Вот что писал Бакунин по этому поводу итальянскому социалисту Серетти:

«Нападки еврейско-немецкой секты для меня не являются новостью. Вот уже начиная с 1848 года до настоящего момента я воздерживался отвечать на эти нападки. Мне кажется, что они задалась целью, чтобы я прерывал молчание. Хотя и против своей воли, мне придётся сделать это. Мне противно вмешивать наши личные счёты с Марксом в великий идейный спор, и ничто меня так сильно не коробит, как то, что я должен служить объектом внимания со стороны публики. Я делал всё, чтобы моя фамилия не фигурировала бы в полемических статьях, печатавшихся в итальянских газетах. Я прекратил даже с этой целью печатание моих статей против мадзинистов, и когда г. Энгельс косвенным образом задел меня в своём ответе Мадзини, я удержался и ничего не ответил... В настоящее время они распускают относительно меня разного рода клевету. В тот момент, когда я получил Ваше письмо, я получил подобное же письмо из Милана, и другое из Неаполя; в них сообщаются также компрометирующие меня клеветы. Ввиду этого я решил напечатать в итальянских газетах протест, адресованный интриганам Главного Совета Интернационала. Я это сделаю обязательно, если они выведут меня из терпения. Но, прежде чем это делать, я хочу попытаться в последний раз пойти путём примирения; я думаю написать в Главный Совет письмо частного характера, копию которого пошлю вам. Если Главный Совет не даст мне удовлетворяющий меня ответ, тогда я заставлю его объяснить его поведение по отношению ко мне публично».

К сожалению, Бакунин не привёл в исполнение свой проект; он не написал письмо Главному Совету и не напечатал официального вызова в газетах. Это отчасти ещё более придало смелости его врагам и заставило усилить свои клеветы.

Насколько Маркс горел злобой и ненавистью к Бакунину, настолько Бакунин относился хладнокровно и даже безразлично к Марксу. Бакунин во многих письмах удивляется

ненависти Маркса и говорил, что он лично не питает к Марксу никакой вражды, а, наоборот, относится к нему с уважением за его научные заслуги. Так, в письме к испанцу Лоренсо весной 1872 года Бакунин писал:

«Я знаю Маркса давно и всегда уважал его, несмотря на все отрицательные стороны его характера – властность, самолюбие, ненависть ко всем, кто, не разделяя его убеждений, имел смелость признаться ему, что он не разделяет его теорий, и не признаёт его власти... Констатируя все эти недостатки, которые у Маркса часто разрушают всё доброе и хорошее, что он делал я, тем не менее, всегда высоко ценил – и мои друзья могут это подтвердить – выдающиеся научные заслуги Маркса и всегда воздавал должное его уму, его неутомимой беззаветной и активной преданности делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю великие заслуги Маркса перед Интернационалом... Наконец, я искренно думаю и теперь, что если бы Маркс, – ослеплённый своими честолюбивыми стремлениями и движимый своими идеями, в истинность и непогрешимость которых он верит, и которые нам кажутся, наоборот, заблуждениями, – вздумал бы лишить нашу великую Ассоциацию своей поддержки, то это был бы большой удар для Интернационала... Но, однако, всё это не может служить причиной того, чтобы, из боязни не потерять сотрудничество Маркса нам нужно превратиться в послушное орудие в его руках. Поэтому я не колеблясь заявляю, что если нужно делать выбор между признанием теории Маркса и его уходом из Интернационала – предпочту последнее».

В июне 1872 года некоторым федерациям и секциям Главный Совет разослал секретным образом брошюру, направленную против Бакунина и Юрской Федерации. Эта брошюра носила заглавие «*Мнимый раскол в Интернационале*» и была подписана 47 членами Главного Совета Интернационала. В действительности, эта брошюра была написана одним Марксом, который просто заставил подписать её членов Главного Совета, чтобы придать ей официальный характер.

История происхождения этого документа такова: Маркс, желая одним разом покончить с ненавистными ему Юрской Федерацией и Бакуниным, собрал через своих агентов все, по его мнению, наиболее компрометирующие данные, сгруппировал их и снабдил их своими комментариями. Прочитав своё произведение в кружке некоторых членов Главного Совета, он заставил их подписать и затем отпечатал её в виде «частного циркуляра» Главного Совета Интернационала.

Член Главного Совета Поль Робен так рассказывает об этом событии:

«Однажды вечером в конце мая 1872 года Маркс собрал у себя на квартире несколько человек Главного Совета и прочитал им своё новое произведение: «*Мнимый раскол в Интернационале*». Избранные выслушали с благоговением писание учителя. В следующем заседании Главного Совета было заявлено, что *подкомиссия* составила и предлагает издать циркуляр по поводу швейцарских разногласий. Любопытным членам Совета, желавшим узнать в чём дело, отвечали, что вопрос, о котором говорится в циркуляре имеет чисто местное значение и совершенно незначительный и, что во всех подобных случаях раньше Совета давал своё согласие, доверяя комиссиям. Предложение об издании циркуляра было

принято без возражений. В одном из первых июньских заседаний Главного Совета членам была роздана брошюра, подписанная 47 членами Главного Совета; брошюра эта была отпечатана в Женеве, в Лондоне же она раздавалась только избранным. Циркуляр был помечен *пятым числом марта месяца***[39]**...»

Этот циркуляр Главного Совета произвёл на интернационалистов в Швейцарии, Италии, Испании и Бельгии гнетущее впечатление. Одна из французских социалисток, Андре Лео, писала по этому поводу:

«Наши господа из Лондона опубликовали циркуляр секретно отпечатанный. Я его получила случайно... Вероятно, это произведение Маркса. Как мог он унизиться до того, чтобы написать подобную гнусную вещь? Для меня это непостижимо.

Всё это очень печально и приносит вред нашему общему делу, продолжает Лео. Люди, называющие себя строителями будущего, занимаются на деле интригами и пакостями, борясь при помощи клеветы и приёмов Макиавелли. Куда всё это может нас привести?.. Впрочем, я не удивляюсь; эти люди – фанатики, они думают, что для торжества идей можно вполне губить тех, кто, по их мнению, является препятствием на пути».

Бакунин, узнав об этом циркуляре, в своём письме 12-го июня к Комитету Юрской Федерации говорит: «Дамоклов меч, так долго висевший над нашими головами, наконец, упал. Собственно говоря, – это не меч, а обычное оружие Маркса, – куча грязи...». Своё письмо Бакунин заканчивает так: «ничто не доказывает более ясным образом разрушительное господство Маркса в Главном Совете, как настоящий циркуляр. Прочтите фамилии сорока семи членов, подписавших циркуляр, и вы с трудом насчитаете среди них 7-8 человек, которые могли бы высказаться более или менее некоторым знанием дела по данному вопросу. Все остальные ничего в этом не понимают и являются послушным и слепым орудием марксистской политики и ненависти. Они подписали возмутительный приговор против нас, приговор, который они не видали и не читали, и который они вынесли, не позаботившись даже обратиться к нам хотя бы с единым вопросом!

Вот каким образом понимает Главный Совет *Справедливость, Истину и Нравственность*, которые должны служить, согласно уставу Интернационала, основой отношений, как личных, так и общественных для всех членов Интернационала. Ах, господин Маркс, очевидно эти слова легче поставить в заголовке программы, чем выполнять их на практике...»

Многие федерации Интернационала после этого факта стали требовать созыва общего конгресса Интернационала, который бы обсудил положение дела. Маркс пробовал сопротивляться, но в июле месяце, видя, что дальнейшее сопротивление против федераций, требующих созыва общего конгресса, будет небезопасно, Маркс и Энгельс решили уступить и решили созвать общий конгресс, предприняв, однако, меры, чтобы их партия имела на конгрессе большинство, которое разом покончило бы с бакунистами и федералистами. Главный Совет Интернационала, по настоянию Маркса, избрал местом конгресса город Гаагу в Голландии и назначил съезд конгресса на 2-ое сентября 1872 года. Гаага была выбрана потому, что в Голландии Интернационал был очень слабо развит и, кроме того,

Гаага находилась сравнительно далеко от Швейцарии, Италии и Испании, где преобладали федералисты, и Маркс рассчитывал, что за дальностью расстояния швейцарские, испанские и итальянские секции пошлют на конгресс минимальное количество делегатов. Этот расчёт оказался, в известной степени, правильным.

Лето 1872 года Маркс и его сторонники энергично готовились к конгрессу. Сам Маркс и Энгельс собирали материалы, которые могли бы послужить обвинением против Бакунина и его друзей и достаточной причиной для того, чтобы исключить их из Интернационала.

С этой целью Маркс ещё весной 1872 года написал письмо в Петербург к известному русскому публицисту Николаю-он'у[40], (с которым он лично не был знаком, но который писал Марксу несколько писем по поводу «Капитала»), прося его сообщить всё, что он знает о Бакунине. Так, в письме от 28-го мая 1872 года Маркс пишет:

«Один из проживающих в Швейцарии крикливых шарлатанов (Marktschreier) – М. Бакунин – откалывает такие штуки (spielt solche Streiche), что я был бы очень вам благодарен за всякое точное сведение об этом человеке, а именно: 1) о его влиянии в России, и 2) о той роли, которую его особа играла в пресловутом (нечаевском) процессе».

В письме от 15-го августа 1872 года к тому же Николаю-он'у Маркс пишет: «пишу сегодня второпях, чтобы обратиться к вам с просьбой по одному специальному делу *самого неотложного свойства*[41]. Бакунин – бывший руководителем в Нечаевском деле (!), старавшийся все эти годы своими тайными происками разрушить Интернационал, был в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что вынужден был сбросить с себя маску и отколоться открыто (!) от Интернационала вместе с руководимыми им глупцами. Так вот этому Бакунину было как-то предложено перевести на русский язык мою книгу, при чём часть денег за перевод была им получена вперёд; но вместо того, чтобы доставить труд, он написал, или велел написать, к некоему Люну (так, мне помнится, звали человека, ведшего с ним дело по поручению издателя) в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мне громадную пользу, если бы я мог получить его немедленно. Так как это чисто коммерческое дело и так как при пользовании этим документом не будет названо никаких фамилий, то, я надеюсь, что вы добудете это письмо. Но, не следует терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на гаагский конгресс».

Письмо это было доставлено Марксу и послужило в его руках самым важным обвинительным документом, на основании которого Маркс обвинил Бакунина в шантаже и в воровстве. Маркс не обращал внимания на то, что это письмо было написано не Бакуниным, а Нечаевым. Вся сущность дела заключалась в следующем: когда летом 1869 года Нечаев, приехав из России, застал Бакунина за переводом «Капитала» Маркса, он стал уговаривать его бросить эту работу и заняться более важным революционным делом. Когда же Бакунин указал, что он заключил уже условие с издателем и взял у него в задаток 300 рублей, Нечаев сказал, что он берётся уладить это дело с издателем. Бакунин согласился. После этого Нечаев написал письмо студенту Любавину, с которым велись переговоры о переводе; в этом письме, написанном без ведома Бакунина, Нечаев от имени революционного

комитета извещал издателя, что Бакунин нужен для более важной революционной работы и что перевод продолжать не будет. В письме указывалось, что если издатель вздумает настаивать на исполнении заключенного условия, то революционный комитет найдет меры против этого. П. А. Кропоткин, видевший это письмо, говорит, что, насколько он помнит, в этом письме не содержалось никаких особенных угроз.

Со своей стороны, Энгельс также собирал обвинительные материалы против Бакунина и прибегал даже в этом случае к очень некрасивым приёмам. Так 24-го июля 1872 года он писал испанскому федеральному Совету:

«Граждане! Мы имеем в наших руках неопровержимое доказательство, что в Интернационале, в особенности, в Испании, существует тайная организация, называемая «Альянсом социалистической демократии». Эта организация, *главный центр которой находится в Швейцарии*, имеет своей целью захватить в свои руки управление Интернационалом и направить всю деятельность его для достижения цели, которая для большинства интернационалистов совершенно неизвестна. Главный Совет уже объявил в своём циркуляре, что он потребует от предстоящего конгресса открытия анкеты об Альянсе, который является настоящим заговором против Интернационала... Решено положить конец всем подпольным действиям этого союза и поэтому мы просим вас прислать Главному Совету для составления особой записки гаагскому конгрессу следующие сведения:

- 1) Список всех членов Альянса в Испании, с указанием должностей, исполняемых этими лицами в Интернационале;
- 2) Сведения относительно характера и деятельности Альянса, а также доклад об организации Альянса в Испании...

В случае неполучения от вас полного и удовлетворительного ответа на настоящее требование *с обратной почтой*, Главный Совет Интернационала вынужден будет сообщить о вашем поведении публично всем секциям, как в самой Испании, так и за границей, как противном уставу Интернационала, при чём вы будете рассматриваться, как изменники Интернационала, предавшего его в интересах тайного сообщества, которое не только не имеет ничего общего с Интернационалом, но, прямо ему враждебно».

Таким образом, Энгельс прибегал к угрозам и запугиванию, чтобы добыть нужные для Маркса сведения. Маркс, в своей брошюре «Альянс социалистической демократии и Интернационал», цитируя это письмо, опускает ультимативный конец, находя, вероятно, что Энгельс пересолил в своём усердии.

На конгресс Интернационала в Гаагу прибыло из разных стран 67 делегатов. Большинство делегатов были сторонники Маркса или его друзья. Маркс заранее принял все меры, чтобы иметь на своей стороне большинство голосов. Чтобы обеспечить вернее победу Маркс решил сам лично, в первый раз за всё время существования Интернационала, поехать на конгресс. До этого Маркс предпочитал действовать, как он сам выражался, «из-за кулис». Первые три дня в Гааге были употреблены на проверку мандатов, при чём в мандатную комиссию вошёл сам Маркс и четверо его сторонников; представители оппозиции получили

лишь два места. Это было сделано потому, что многие мандаты были сфабрикованы в Лондоне. Маркс, как оказывается, писал своему другу Зорге в Америку, чтобы он привёз с собой несколько *чистых бланков* мандатов от американских секций. Зорге, исполняя этот приказ, привёз двенадцать чистых мандатов и передал их Марксу, который и раздал их своим верным последователям. Когда об этом факте узнал Герман Юнг, то он спросил Маркса верно ли это? Маркс не отрицал того, что он просил Зорге захватить несколько лишних мандатов, и добавил, что Зорге, рассказавший об этом – *глупый осел*.

Из 67 человек, прибывших на конгресс, 22 человека были членами Главного Совета и являлись сторонниками Маркса. Эти 22 делегата совместно с 12 делегатами от американских секций, мандаты которых Маркс роздал по своему усмотрению, уже составляли большинство конгресса. К этому большинству присоединялись ещё немецкие делегаты и французские бланкисты, которым Маркс за содействие обещал дать несколько мест в Главном Совете Интернационала. Таким образом, победа Маркса над Бакуниным и федералистами была обеспечена заранее.

В программе Гаагского конгресса стояли следующие вопросы: 1) о полномочиях Главного Совета, 2) о политической деятельности пролетариата. Вопрос о Бакунине и его сторонниках в программу дня официально поставлен не был.

Прения по вопросу о полномочиях Главного Совета открыл делегат от секций города Льежа, бывший в то же время членом Главного Совета А. Герман. Он указал, что пославшие его секции, как и вообще все бельгийские секции, придерживаются того мнения, что Главный Совет не должен быть политическим центром, навязывающим секциям свою волю и стремящимся управлять Интернационалом... Каждая страна должна быть свободна в выборе средств для своей борьбы... Заканчивая свою речь, Герман указал, что уполномочившие его секции настаивают на том, чтобы Главный Совет был поставлен в такие условия, в которых он не мог бы больше навязывать свою волю всему Интернационалу.

После Германа говорил зять Маркса Лафарг, который защищал противоположную точку зрения, то есть точку зрения Маркса, и настаивала, чтобы Совету были даны широкие полномочия. После Лафарга слово было предоставлено Джеймсу Гильому, делегату от Юрской Федерации, ближайшему другу Бакунина.

В своей речи Гильом указал, что в Интернационале существуют два идейных течения. Представители одного из этих течений, централисты, смотрят на Интернационал, как на организацию, созданную несколькими лицами, обладающими своей социальной теорией. Эти лица уверены в непогрешимости своих теорий и думают, что только следуя этим теориям пролетариат добьётся своего освобождения. Основной теорией этой группы лиц является вера, что пролетариат сможет освободиться только при помощи политической борьбы.

«Представители другого течения, говорил Гильом, наоборот, считают, что Интернационал не является продуктом деятельности какой-либо группы лиц, но возник и развился в силу самих экономических условий нашей эпохи...» Далее в своей речи Гильом указывал на опасность централизма и увеличения власти в руках Главного Совета. Он говорил, что

«Главный Совет должен быть не как центр власти и управления, но только как центр для письменных сношений и статистики – не больше».

После Гильома выступил с большой речью друг Маркса Зорге; он горячо настаивал на необходимости облечения Главного Совета властью и говорил: «Главный Совет должен быть генеральным штабом Интернационала, защитники и сторонники автономии и федерализма, защищая свободу деятельности федераций, говорят, что Интернационал не нуждается в голове; мы думаем обратное, мы думаем, что голова нужна и она нужна с большими мозгами внутри. (Многие делегаты в этот момент смотрят на Маркса и смеются). Мы должны иметь сильную централизацию, продолжает Зорге, и я требую, что Главный Совет не только нужно лишить тех полномочий какими он наделён теперь, но, что его полномочия нужно увеличить».

Конечно, большинство конгресса высказалось за увеличение полномочий Главного Совета и дало ему право исключать из Интернационала не только отдельных лиц и отдельные секции, но и целые федерации.

По вопросу о политической деятельности пролетариата большинство конгресса приняло предложение внести в основной устав Интернационала резолюцию Лондонской конференции в несколько измененном виде. Это постановление было отредактировано в следующем виде:

«В своей борьбе против коллективной власти господствующих классов, пролетариат может действовать, как класс, только при том условии, если он образует самостоятельную политическую партию, противопоставленную всем прежним партиям, основанным господствующими классами.

Это объединение пролетариата в политическую партию является необходимым условием для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и её конечной цели – уничтожение классов.

Коалиция рабочих сил, уже достигнутая благодаря экономической борьбе, должна также служить рычагом в руках рабочего класса в его борьбе против политического могущества его эксплуататоров.

Владельцы земли, и капиталов пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увеличения своих экономических монополий и для эксплуатации труда, поэтому *завоевание политической власти является великой обязанностью пролетариата».*

Таким образом, к резолюции Лондонской конференции была прибавлена фраза, что «завоевание политической власти является великой обязанностью пролетариата». Теперь догматы Маркса о необходимости политической борьбы и завоевания политической власти были введены в сам устав Интернационала, и поэтому всякая секция или федерация, не признающая этих догматов, не могла входить в Интернационал.

Конгресс избрал особую комиссию по делу об Альянсе и эта комиссия на основании материалов и документов, представленных Марксом, постановила исключить из членов

Интернационала Бакунина, Джеймса Гильома, Швицгебеля, Бенуа Малона. Хотя председатель комиссии Куно заявил на конгрессе, что комиссия, в действительности, не получила ни одного материального доказательства виновности названных лиц, но, – добавил он, – Комиссия, по отношению к этим гражданам имеет *моральную уверенность* в их виновности и, поэтому, не имея возможности представить конгрессу определённых доказательств, Комиссия просит конгресс *довериться* её заключению.

Конгресс вполне, конечно, доверился заключению комиссии и большинством в 27 голосов против 7 при 9 воздержавшихся, исключил из членов Интернационала Бакунина. За исключение из Интернационала Гильома высказалось 25 голосов *за*, 9 голосов *против* и 9 воздержалось. Швицгебель и Малон не были исключены, хотя Марксу очень хотелось изгнать из Интернационала Малона, который хотя и не был другом Бакунина и не разделял многих его идей, но тем не менее не скрывал своей антипатии к Марксу.

Таким образом, Маркс одержал полную победу над своим противником. Но, эта победа оказалась Пирровой победой. Уже на самом конгрессе даже среди делегатов, стоявших на стороне Маркса, стало проявляться недовольство диктаторскими замашками Маркса. Видя это и чувствуя непрочность своей победы, Маркс вдруг решил пойти на героический шаг, чтобы сохранить руководство в Главном Совете. На одном из заседаний конгресса Энгельс совершенно неожиданно для большинства делегатов внёс предложение *перенести Главный Совет из Лондона в Нью-Йорк*.

«Интересы Интернационала требуют, заявил он, удаления Главного Совета из Лондона, по крайней мере на один год, и, сообразуясь, с обстоятельствами, признаётся наиболее удобным перенести Главный Совет в Нью-Йорк».

Делегаты были ошеломлены таким предложением. В зале заседания некоторое время царил молчание. Но, затем поднялись протесты; особенно энергично протестовали французы-бланкисты, которым Маркс, как мы сказали выше, обещал в благодарность за поддержку несколько мест в Главном Совете. При таком повороте дела бланкисты, конечно, не могли воспользоваться местами в Главном Совете.

Но, почему выбор Маркса пал на Нью-Йорк? По всей вероятности, Маркс, решая перенести Главный Совет в Нью-Йорк, рассуждал так: Нью-Йорк слишком далёк от Европы и Главный Совет, находясь там, будет избавлен от всех нежелательных элементов и всякого постороннего влияния, с другой стороны – сам Маркс, оставаясь в Лондоне, как бы также отстранялся от деятельности в Главном Совете и выбивал этим самым оружие из рук своих противников, обвинявших его в честолюбии и в диктаторстве. Но, в то же время Маркс отлично знал, что в Нью-Йорке, где во главе секций стоял его преданный друг Зорге, Главный Совет будет всецело выполнять его желания. Таким образом, думал Маркс, для непосвящённых будет видно, что он, ради блага Интернационала, чтобы прекратить все поводы к нареканиям, добровольно ушёл из состава Главного Совета и даже сам внёс предложение перенести Совет в Нью-Йорк.

Большинство конгресса, конечно, высказалось за перенесение Совета в Нью-Йорк. Но и эта мера не помогла Марксу удержать в своих руках управление Интернационалом. Вскоре после Гаагского конгресса большинство швейцарских, бельгийских, испанских, итальянских

